

Школа общины с отцом Хулианом Карроном
Милан, 20 мая 2015 г.

Тема: Х. Каррон. Введение к упражнениям Братства «Общения и освобождения»

- *The dimming of the Day*
- *Liberazione n. 2*

Gloria

Мы начинаем работу над введением к упражнениям Братства, имея в виду также и окончание третьей главы книги «Зачем Церковь», которое во многом связано с тем, о чем мы сказали в Римини. Я получил письмо, в котором говорится о Воскресении – центральной теме введения. «Дорогой Каррон, в преддверии следующей школы общины хочу задать тебе вопрос, который уже поднимала, правда безрезультатно, в моей группе. Он касается Воскресения. Как я ни стараюсь, оно остается для меня по-настоящему абстрактным и неясным понятием. После упражнений мне врезались в память твои слова о том, что только благодаря Воскресению мы можем ответить на вопрос, действительно ли стоит появляться на свет. Я часто задаю себе вопрос о смысле и хочу на него ответить, поэтому мне важно разобраться Воскресением, чтобы оно не осталось лишь отвлеченной идеей. И поскольку я не понимаю Воскресения и живу так, словно его и не было (ведь я боюсь смерти), спрашиваю тебя: что меняет в твоей жизни Воскресение? Какой была бы твоя жизнь без него? Что меняет оно в моей жизни? Я спрашиваю себя: если бы Иисус не воскрес, разве у меня не было бы семьи, работы, как у всех, разве не искала бы удовлетворения в том, что делаю? А если так, то какая разница, воскрес Он или не воскрес? Ставлю вопрос в отрицательном ключе, потому что в противном случае любой ответ кажется совсем непонятным... Так, на школе общины мне сказали, что благодаря Воскресению христианство существует, ведь ученики рассеялись через три дня после смерти Иисуса. Но я говорю: многие религии продолжают существовать на протяжении долгого времени! Или еще мне сказали, что благодаря Воскресению вещи приобрели смысл. Но я говорю: у меня все равно был бы муж, дети, которых я люблю, работа, которая мне нравится и желание жить. Надеюсь, на эти вопросы есть ответы». Я благодарю нашу подругу за ее вопрос, потому что он обращен ко всем. Что ответил бы каждый из нас, исходя из своего личного опыта? Действительно ли Воскресение конкретно (и не остается на уровне абстрактного и неясного понятия)? Другой человек спрашивает о том же другими словами: «Что может милосердие перед упрямством человека, творящего зло? О каком же милосердии идет речь, если, в конечном счете, оно ничего не способно изменить?» Разумеется, на эти вопросы невозможно ответить теоретическими рассуждениями – в таком случае тот, кто задал вопрос, воспримет ответы как оторванные от жизни и неадекватные. Возникновение подобного вопроса – благо для всех, ведь он заставляет нас задуматься о том, какой опыт Воскресения мы переживаем.

Вот уже два месяца я работаю медсестрой. Мне хотелось поехать на упражнения, но очень быстро стало ясно, что не получится ни поменяться сменой, ни придумать другой выход. Она подруга сразу же сказала мне: «Конечно же, ты должна остаться на работе. Давай посмотрим, какие открытия тебя ждут, начиная с сегодняшнего дня и до начала упражнений». Встретив столь разумную и простую позицию, я посмотрела на все совершенно по-новому: я желаю всего уже сейчас, я хочу встретить Тебя сейчас. И так для меня снова произошло событие – за ужином с подругами в четверг накануне упражнений. Я смотрела на них и не могла сказать, что Иисус забыл обо мне. Тем не менее, на следующее утро я проснулась в 5.30 ужасно уставшая, мне не хотелось вставать. Но встать пришлось, и я отправилась в больницу. Мои коллеги выказывали абсолютное нежелание

работать, в отделении царил кошмар. Я занялась подготовкой терапии, прежде чем пойти в палаты. В голове стучала одна мысль: как можно сказать, что все это не меньше, чем происходящее в Римини? С болью в сердце я вспомнила лица моих настоящих друзей, с которыми ужинала накануне, и ощутила ностальгию по Христу, по тому единственному взгляду, который меня определяет. И вот я в волнении захожу в палаты и понимаю, что люблю пациентов, коллег и этот больничный кошмар. Потом случился эпизод, который меня прямо-таки перевернул. Один пациент обрушился на меня с протестами из-за того, что врач без предупреждения поменял ему курс лечения. Я слушала его до тех пор, пока он не успокоился, и мы вместе начали разбираться, почему было принято такое решение, затем появился врач, и мы вовлекли в разговор и его. Когда я вышла из палаты, моя коллега посмотрела на меня и сказала: «Слушай, я из коридора слышала, как кричал тот больной, а у тебя такое лицо! Как такое возможно? Я думала, он тебя доконает и ты уйдешь через две минуты. Еще время на него тратить! Знаешь, иногда я спрашиваю себя, зачем вкладываю столько сил, если в конечном счете ничего не получаю взамен. Можно, пожалуй, обойтись в работе и без любви». Ее слова буквально перевернули меня, ведь вопрос был истинным, и я спрашивала себя: почему все вдруг может стать “для меня”? Почему реальность, даже будучи отталкивающей, далекой от прекрасного, может стать самым дорогим на свете? Почему можно любить? Когда я начала работать над введением к упражнениям, меня поразило момент, когда ты говоришь о Воскресении во взгляде. Действительно, тот просвет, что постепенно все расширялся в моем сердце, пока я работала, ностальгия по Христу, ностальгия по моим друзьям – это победа Христа в моей жизни. Истина реальности – Христос воскресший. Истина моего кошмарного отделения, моей коллеги, моего пациента – взгляд, вошедший в мою жизнь и навсегда ранивший мое сердце. Поэтому я могу проснуться без желания что-либо делать, но в то же время с тоской по Нему. Не видимость определяет реальность, а мой взгляд, наполненный Христом. Реальность – место Тайны, которая каждое мгновение приглашает меня на встречу с ней. В дни упражнений мне постоянно приходили в голову слова из твоего приветствия ребятам из GS по окончании пасхального триденствия: наши главные союзники – сердце и реальность. Я бы хотела всю жизнь работать так, как работала в те выходные, я хотела бы проживать упражнения так, как проживала их, находясь в больнице. Сегодня я каждое утро жадно читаю текст упражнений, и в моем сердце нет сожаления, ведь у меня есть все, в чем оно нуждается. И я благодарна за то, что жертва, которую я принесла, не поехав в Римини, позволила вновь совершиться во мне событию любви – любви к этому пути и к этой компании, любви, дышащей новой свежестью. И в ее свете я отныне смотрю на все.

Спасибо. Порой другие люди осознают больше нас самих, какую новизну вносит Воскресение в жизнь, как коллега нашей подруги, увидевшая ее отношение к пациенту: «Как такое возможно? Я думала, что он тебя доконает и ты уйдешь через две минуты». А она не ушла, она была радостной. Мы видим множество подобных примеров, мы говорим об этом на каждом обеде с друзьями или когда просто собираемся вместе! Я прочитаю вам об одном таком примере, вы найдете его в *Tracce*. Он касается наших преследуемых друзей. «Один человек из Мосула, – говорит отец Дуглас из Ирака, – Один человек из Мосула рассказал мне, что, когда боевики ИГИЛ вошли в город, его сосед-мусульманин постучал к нему в дверь и сказал: “Ты должен уйти, а я займу твой дом. Если этого не сделаю я, это сделает кто-нибудь другой. Если увижу тебя завтра, убью”. Этот человек приготовился уезжать, собрал вещи, посадил семью в машину. Но сначала он пошел к соседу и постучал в дверь. “Я разве не сказал, что убью тебя?” А христианин сказал: “Мы тридцать лет были соседями, я хотел попрощаться перед уходом”. Мусульманин заплакал: “Нет, оставайся. Я тебя защищу”. А тот ответил ему: “Нет, мы были соседями. А теперь мы чужие. Доверие подорвано”». («Мы принадлежим одному лишь Иисусу». Интервью Л. Фьоре с о. Дугласом Бази. ru.clonline.org/default.asp?id=794&id_n=20149).

Перед отъездом человек идет к тому, кто обещал его убить, чтобы попрощаться. Это конкретный факт или что-то смутное и неясное? Деяния апостолов полны таких рассказов, наша личная история полна ими. В том, как мы пребываем вместе, в том, как мы часто встречаемся с болезнью, в том, как переживаем потерю работы, в том, как относимся к повседневному существованию или встаем по утрам найдется огромное количество фактов. Почему глядя на эту лавину примеров, мы не связываем их с Воскресением? Что их порождает? Мы словно оказываемся в ситуации, о которой я говорил во введении: поведение учеников в первый день Пятидесятницы объясняется опьянением? Неужели в этом была причина их «новизны»? Что необходимо, чтобы мы могли признавать в фактах Воскресение, чтобы это слово не оставалось лишь пустым звуком? И тут мы подходим к работе, которую должен проделывать каждый из нас. Дело не в том, что ничего не происходит, но часто мы считаем происходящее само собой разумеющимся, как если бы факты были очевидными. И только когда человека касается болезнь, или когда он остается без работы, когда оказывается в одиночестве или переживает разрыв в семье – только тогда, возможно, он начинает понимать, что многие вещи не были такими уж очевидными, начинает понимать, в чем состоит Воскресение. Но, как утверждал отец Джуссани (я цитировал его слова во время собрания), нам поможет не столько теоретическое рассуждение, сколько осознание необходимости работы, о которой мы говорили на упражнениях. Вопрос Воскресения показывает нам объем работы, которую нужно проделать. Как вы видите, даже самое очевидное утверждение христианской веры, утверждение о Воскресении Христа, не усваивается само по себе, недостаточно его формального повторения, чтобы оно стало решающим для жизни. Поэтому отец Джуссани, прекрасно знавший наш исторический контекст, говорил, что мы перестали понимать христианские слова, а Воскресение – одно из ключевых слов веры; мы больше его не понимаем, хотя и продолжаем находиться в отношении с христианским фактом. Что уж и говорить о других! Возьмем к примеру китайцев. Для китайца слово «воскресение» не поддается какой-либо проверке. Отец Джуссани говорит: «Вера не может смошенничать. Она не может сказать тебе: “Это так, и точка”, – и задаром получить твое полное и безоговорочное согласие. Нет! Вера не может смошенничать, потому что она неким образом связана с твоим опытом: она как будто должна предстать перед судом, где ты являешься судьей посредством своего опыта» (L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro. 1986–1987. Milano: BUR, 2010. P. 300*). Я настаиваю, дело не в том, что мы не слышали миллионы рассказов и свидетельств или ничего не видели, просто этого недостаточно. Если человек не приобретает личный опыт, недостаточно даже совместного пребывания, потому что можно находиться в компании и продолжать говорить, что она абстрактна. Если совместное пребывание не побуждает тебя постоянно к работе, на которую указывает нам отец Джуссани, если не призывает к проверке, мы не найдем ответ на наши вопросы. Вера должна «должна предстать перед судом, где ты являешься судьей посредством своего опыта», говорит Джуссани. «Но и ты не можешь мошенничать. Чтобы вынести о ней суждение, ты должен ее использовать [недостаточно впустую повторять слова <...>; чтобы увидеть, изменяет ли она жизнь, ты должен переживать ее серьезно, и переживать веру не в своей интерпретации, но так, как она была тебе передана, подлинную веру. Поэтому наше понимание веры непосредственно связано с моментами в течение дня, с обычным ходом нашей жизни. [Если уж мы и там не открываем, что такое Воскресение, никто нас не убедит. И вот пример:] Если ты влюблялся в девушку или несколько раз переживал опыт влюбленности, но никогда не понимал, как вера изменяет это отношение [подумаем о списке, приведенном в первом письме, которое я прочитал сегодня: отношения с мужем, работа, дети; если ты не видишь, как вера меняет жизнь, улучшая ее], никогда не ловил себя на мысли: “Надо же, как вера освещает эту мою попытку строить отношения, как их меняет, как меняет их к лучшему!”, если ты не мог сказать такого, если ты никогда не мог сказать: «Надо же, насколько более человеческой вера делает мою жизнь, если ты никогда не мог сказать так, вера никогда не станет убежденностью, <...> никогда не породит ничего, потому что она не коснулась глубин “я”, самой глубины твоего “я”» (*Ibidem. P. 300–301*).

Значит, эти вопросы необходимо проверить, как нам было предложено. Но чтобы проверить, я должен быть открытым, потому что если я открыт возможности серьезного отношения к факту Воскресения перед лицом болезни, или перед лицом трудной ситуации на работе, или перед лицом одиночества, перед лицом тревоги, которую я испытываю, я начинаю видеть, что некоторые отвечают на эти вызовы определенным образом, не так, как я. Чтобы заметить нужно внимание, чтобы осознать это, требуется компас, детектор, потому что иначе, как вы видите, все становится одинаковым. А если все одинаково, разрушается причина, по которой Джуссани начал Движение, то есть стремление показать неотъемлемость веры от потребностей жизни. Если эта неотъемлемость веры не проявляется, то какой интерес может представлять для нас вера? Вот почему мы начинаем работу над упражнениями.

Второй вопрос также касается Воскресения: «Как ты можешь говорить, что то, о чем свидетельствует нам истина, то есть реальность события, которое мы праздновали в пасхальную ночь, является событием народа?» Действительно на упражнениях, чтобы показать, что на Пасху мы не просто совершаем обряд, благочестивое воспоминание, что празднуемое событие обладает реальной состоятельностью факта, я говорил о событии народа как о ясном подтверждении этого факта. Продолжу читать письмо: «Прочитав это, я прямо подпрыгнула. Вот уж никогда бы не подумала, что ответом на мою бесконечную нужду может стать народ». Но мы и не говорили, что народ является ответом! Видите, как меняется интерпретация? Народ, сказали мы, есть знак того, что многие встретили ответ в Воскресшем, существование этого народа невозможно без Его Воскресения: «Фома, вложи пальцы твои в раны Мои», «Петр, любишь ли ты меня?», «Мария Магдалина!», «Мария, проснись!» Одного за другим Он позвал их по имени. Они собрались вместе не от безысходности и одиночества, не так родился народ, ставший ответом на их нужду. Нет! Этот народ нашел ответ во встрече со Христом воскресшим и начал жить определенным образом. Этот народ, нашедший ответ во Христе, свидетельствует об истине события, достичь которой можно не иначе как через следствия, производимые событием. Никто не присутствовал при Воскресении Христовом. Ученики положили Его во гроб, а когда вернулись, гроб был пуст. Никто не видел, как Он воскрес. Поэтому Воскресение Христа – особенное, уникальное событие. Это не воскрешение Лазаря, не оживление мертвеца. Воскресение Христа – событие в истории: Человек, бывший во гробе, вошел в окончательный мир, Он воскрес и живет вечно, не как Лазарь, возвращающийся к жизни, чтобы однажды снова умереть, – в таком случае оно было бы слабым утешением. Продлить жизнь на определенный срок, как сегодня это делает медицина, отложить конец на несколько месяцев или лет. Воскресение Христа – событие совершенно иной природы, о которой у нас нет непосредственного и прямого свидетельства. Мы признаем Его воскресшим благодаря Его явлениям и знакам, которые Он дал апостолам и о которых те свидетельствовали. Не подшутили ли они над нами, выдумав Воскресение? В Евангелии мы находим такое возражение – предположение о краже Тела Иисуса учениками? Однако все, что родилось после Его распятия, было бы невозможно, если бы Христос не воскрес. Поэтому на следующей школе общины мы обратимся к первой главе второй части книги «Зачем Церковь». В ней Джуссани объясняет, почему Церковь с самого начала заявляет о себе как о непрерывной связи с Иисусом Христом и каково отношение между Воскресением и этой преемственностью в истории? Ответом является не народ, единственный ответ, предлагаемый христианской верой каждому члену народа, есть Христос воскресший, а не «утопическая компания». Не компания отвечает на потребности человека, ведь нам всем суждено умереть; в компании, в Церкви утверждается факт Христова воскресения – иначе нас бы здесь не было. Понять это крайне важно. Один наш друг пишет: «“О чем свидетельствует нам истина, то есть реальность события, которое мы праздновали в пасхальную ночь? Об одном лишь факте: о событии народа, подобном тому, что мы наблюдали на площади Святого Петра, народа, утверждающего реальность Воскресения, кричащего о нем”». Нет! Десять человек или миллион не могут подтвердить или опровергнуть

что-либо». Я полностью согласен. Но что дальше? Это рассуждение без конца и края! Вопрос в том, какие люди собрались в Риме и о чем они свидетельствуют. Разумеется, если мы не проделываем работу, о которой нам так часто говорил Джуссани, то есть не работаем с “инструментом мышления”, со способом мышления, не работаем над позицией, занимаемой перед реальностью, даже самые очевидные вещи не могут нас в чем-либо убедить. И поэтому мы говорим нет. Послушайте отца Джуссани: «Церковь заявляет о себе в истории прежде всего как связь с живым Христом <...> Однако благоговейное воспоминание [он перечисляет некоторые возможные понимания Церкви] не могло бы хранить от распада эту группу людей в обстоятельствах столь трудных, враждебных, даже если бы оно подкреплялось желанием распространять заветы Учителя [как будто Церковь представляет собой своего рода платонический кружок]. Для этих людей единственным неоспоримым учением был присутствующий рядом Учитель, живой Иисус. Именно это они и несли другим: свидетельство о Человеке присутствующем, живом. [Мы можем считать, что они нас обманывают, либо говорят правду, но совершенно ясно одно: все документы Нового Завета, тексты первого века, написанные на греческом языке, представляют собой свидетельство группы людей, утверждающей, что некий человек, их друг, которого положили во гроб, ныне живет, и они прекрасно различают выражения “Живет Лазарь” и “Живет Иисус воскресший”, их не смешивают!] Начало Церкви и есть это собрание учеников, эта кучка друзей, которые оставались вместе и после смерти Христа. Почему?» (Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 74–75). На этот вопрос каждый должен найти ответ. Вспомним пример, который Джуссани приводит в *Религиозном чувстве*: если сегодня вечером, придя домой, кто-то найдет на тумбочке прекрасный букет цветов, ему придется объяснить это присутствие. Он поинтересуется у домашних: «А кто принес эти цветы?» Почему ты спрашиваешь, если видишь только цветы? Почему ты уверен, что за ними стоит «кто-то», если никого не видишь? Ты можешь дать тысячи объяснений, но не успокоишься, пока не найдешь адекватного ответа. То же самое происходит с Воскресением. Эти люди начинают жить определенным образом, букет цветов – ничто в сравнении с той новизной жизни, о которой они свидетельствуют. «Почему? Потому что воскресший Христос присутствовал среди них» (*Там же*. С. 83). Кому-то может не понравиться это слишком христианское объяснение. Но вопрос все равно остается. Как если бы кто-то спросил: «Кто же принес сюда цветы?» – а ему бы ответили: «Почему ты спрашиваешь? Они здесь, потому что они здесь». Такой ответ не показался бы адекватным. Недостаточно любого ответа. Даже если ты не веришь, что Христос воскресший присутствовал среди учеников, вопрос никуда не девается, он тот же, что и две тысячи лет назад. Люди, живущие во Христе и признающие Его воскресшим, живут пребывают вместе определенным образом. Почему? Джуссани продолжает: «Христос пребывает в истории <...> через живое лицо христианской общины, Церкви. Своим существованием и своим свидетельством эти первые ученики, эта кучка друзей доносит до нас, что Бог сошел на землю не на один миг <...> [но] <...>, чтобы остаться в мире». Все рассказы из *Деяний апостолов* «просто свидетельствуют о продолжающемся знакомом присутствии» (*Там же*. С. 75–76). Многие из вас написали о том, что случилось с ними на упражнениях: они вернулись домой и в обычную жизнь другими и встречаются с обстоятельствами жизни иначе, хотя и не могут объяснить, почему. Такое присутствие в истории изменившихся людей и народа, из них состоящего, такая реальность принадлежит не прошлому, а настоящему, она будет бросать вызов разуму и свободе любого человека, который с ней сталкивается. Если человек встречает тех, для кого Воскресение Христа является фактом, перед ним возникнет тот же вопрос, что звучал в начале *Деяний апостолов* – сегодня как две тысячи лет назад, о чем свидетельствует фильм *Прекрасная дорога*. Что же требуется, чтобы это понять?

Я хочу с благодарностью рассказать тебе о том, что увез домой с упражнений Братства. Несмотря на призывы нашего ответственного переживать их с просьбой обо

всем, я долгие недели занимал позицию, которую ты неоднократно описывал: мы никогда ничего не поймем, если не будем стремиться к пониманию. Я приехал на упражнения без этого стремления, пусть и чувствуя теплые и радостные объятия моей общины. В глубине души я допускал, что в конечном счете получу что-то хорошее – хорошее, но не определяющее. А дальше случилось следующее. Хоть мне уже пятьдесят четыре года и за плечами целая жизнь в Движении (я встретил его в университете в Пизе), я женат, у меня есть сын, но я по-прежнему несу все раны, нанесенные мне в ходе жизни. Среди них одна постоянно беспокоит меня, и как раз в субботу вечером она вновь открылась, оставив меня в состоянии полной прострации и растерянности. И дело тут не в моей непоследовательности, а в бездонной, непреодолимой диспропорции между путем обращения, к которому я призван, и умением идти. Рана была столь очевидной, что на следующее утро за завтраком два человека спросили, все ли в порядке. Я промямлил да, мне не хватило смелости посмотреть им в глаза. На собрание в воскресенье утром я находился в том же амёбном состоянии. Всю обратную дорогу я проспал, как герой песни Гуччини. И хотя я рассказал дома, какими замечательными были упражнения, моя жена, которая прекрасно меня знает, сразу почувствовала подвох и сразу обвинила меня в том, что я вечно «треплюсь», и в расстройстве отставила эту тему. С таким камнем на сердце в понедельник я вернулся на работу и не мог не проанализировать всю ситуацию с прагматической точки зрения. На одной чаше весов находится привлекательность, пусть и искаженная, моего зла. А что положить на другую чашу? Возможно, несколько преувеличенное очарование красивого жеста? Тогда моя человеческая структура, мой взгляд на себя, представляет собой арифметическую сумму того и другого? Но Его присутствие, Его живое и осязаемое присутствие есть что-то иное. Совершенно иное. И именно в этом я нуждаюсь. В тот момент, сам не знаю как, меня до слез переполнило волнение, пробудив во мне огромную благодарность за нашу историю, за истину той динамики, на которую указали Святейший Отец (Тайна настаивает меня там, где это казалось невозможным) и Джуссани («Господь позволяет нам совершать ошибки и грехи – странный, но самый драматически действенный метод, с педагогической точки зрения наиболее действенный для углубления сознания нашего отношения с Ним. Мы столь упорны в собственном самолюбии, что, не ощутив на опыте свою ограниченность, никогда не смогли бы истинно сказать: “Боже, Ты всё” и “я ничто”») (См. Х. Каррон. «Кто отлучит нас от любви Христовой?». М., 2013. С. 51). Как будто красивому и торжественному событию вплоть до вынесения такого суждения не хватало моего участия во плоти. Весь тот день я прожил со вниманием, стремлением понять, с радостью от встречи с окружающими меня людьми. И первым следствием стало то, что на вопрос жены: «Как дела?» – я, глядя ей прямо в глаза, с еще большей любовью, ответил: «Прекрасно». Хватило самой малости, чтобы убедить ее записаться на упражнения для работающих. Описанная динамика не принадлежит мне. Я могу только учиться ей, просить о ней. И это место является единственным местом, где она становится возможной, где возрождается моя человеческая суть, когда я позволяю обнять меня Тому, Кто творит все вещи. Такое место необходимо поддерживать. Я не вижу иных достойный причин, чтобы платить взносы в общий фонд, который до недавнего времени был пуст, как бездонный колодец. Я уже выполнил все необходимые формальности. Прошу прощения, но только сейчас для меня стал яснее уровень вопроса. Мы можем участвовать в жесте, как ты говоришь, но не быть там.

Красоте жеста не доставало твоего участия во плоти. Когда ты начинаешь пребывать во плоти, ты начинаешь понимать. И когда человек позволяет Ему войти, когда позволяет обнять себя присутствию Того, Кто творит все вещи, как говорит отец Джуссани, когда человек принимает это, ему не приходится присоединяться к вере без оснований, то есть без причин. Напротив, он делает это, видя, что присоединение пробуждает в его жизни, и тогда может решить, разумно или нет признавать Его, прилепиться к Нему. Отец Джуссани

никогда не обещал нам, что присоединение будет автоматическим, как не обещал того и Христос, иначе оно было бы не достойно человека. Это присутствие необходимо принимать с простотой ребенка, на которую указывает Джуссани, говоря о Воскресении; с той «разумностью ребенка, которая позволяет смотреть на реальность истинным образом». Эта разумность называется верой (Ср. Х. Каррон. *Присутствие во взгляде*. Введение).

На прошлой школе общины, говоря о встрече с папой, ты использовал фразу: «Roma locuta, causa finita est» – «Рим высказался, дело закрыто». Это выражение, это суждение драматично запало мне в душу и положило начало работе, как относительно аудитории, так и относительно происходящих со мной событий, и позволило мне смотреть на все с такой гипотезой. И когда я стала проверять ее, увидела, насколько она влиятельна.

Обратите внимание! Как только она приняла гипотезу... Джуссани предложил нам веру как гипотезу. То, что является уверенностью, уверенностью всей Церкви, столь незыблемой, что называется “догмой”, было предложено нам в качестве рабочей гипотезы, которую необходимо проверить, чтобы истина еще отчетливее предстала перед нашими глазами. Если мы не используем эту гипотезу, то явление истины невозможно, невозможно найти подтверждение гипотезы в проверке.

На самом деле во мне эта гипотеза нашла подтверждение, потому что я увидела, как уже говорила, силу ее влияния. Приведу пример, чтобы объяснить, как я заметила важность выражения «Roma locuta...». Я поняла, что «разрушение очевидностей», над которым мы работали, происходит, когда я искажаю реальность, находящуюся передо мной. Так, например, в отношении с другими людьми я часто искажаю их, замечая то, что мне хочется в них видеть. И напротив, когда я смотрю на вещи, исходя из этой гипотезы, то есть исходя из того, чем они являются, реальность становится моим союзником, и передо мной словно открывается возможность абсолютно нового вовлечения. Я могу привести много фактов, которые вошли в мою жизнь благодаря этому взгляду. Скажу лишь о двух главных. Во-первых, этот взгляд открывает во мне путь неустанного сознания, нового восприятия и познания себя самой. Такое сознание помогло мне в трудной ситуации, в которой благодаря этой позиции и суждению я смогла познать себя. Во-вторых, когда я выношу такой суждение, занимаю такую позицию, возникает некая красная нить, соединяющая самые разные вещи, и я замечая реальные вещи, детали и оттенки слов, которые слышу. Как будто разрозненные вещи соединяются в единый горизонт. Скажем так: на суде моего опыта, о котором ты говорил, эти два факта являются для меня убедительными.

Почему?

Потому что никакой иной способ смотреть на вещи не имеет этой силы, как не имеет ее и какая бы то ни было интерпретация.

Мы можем принять в качестве рабочей гипотезы утверждение Воскресения или выступление папы в Риме (а после его выступления было множество бесполезных дискуссий), и тогда истина проявится в опыте прямо перед нашими глазами, либо мы можем использовать эту гипотезу по нашей прихоти. Но тогда мы никогда не проверим сказанное нам, мы лишь проверим наши мысли. И в результате достигнем того, что так часто наблюдаем! Начало работы уже указало нам на то, как осуществлять проверку. Поэтому если мы все не стремимся увидеть, в каких ситуациях, в каких фактах нашим глазам является (в моем опыте или в опыте других), что Христос воскрес, а также то, что заставило меня это увидеть, несмотря на то, что мы говорили о Воскресении, ничего не останется. Вера в Воскресение возрастает не благодаря повторению речей о нем; вера возрастает, как

возросла вера учеников: когда мы видим знаки, факты, рождавшие и рождающие вопрос, который они не могли и мы не можем не задавать себе: «Кто сей?» Он позволял ученикам признавать, что не всякий ответ способен адекватно объяснить этот факт. И сегодня ничего не изменилось. От нас требуется всесторонняя проверка в опыте. И никакое формальное повторение, как мы видели, даже повторение слов «Христос воскрес», не будет достаточным и может превратиться лишь в абстрактное и неясное понятие.

Следующая школа общины состоится в среду, 17 июня в 21.30. Мы продолжим работу над введением к упражнениям и кроме того начнем вторую часть книги *Зачем Церковь*. Глава «Преемственность Иисуса Христа: корень самосознания Церкви» (*Указ. соч.* С. 73–80) содержит ответ на возникший сегодня вопросы.

Каникулы общины. Не будем воспринимать их как нечто само собой разумеющееся, как некий ежегодный обряд. Спросим себя, зачем мы устраиваем каникулы? Чем хотим поделиться, что хотим пережить вместе? Воспользуемся этим моментом, чтобы сообщить часть той красоты и радости, которую мы встретили, и помочь другим людям понять суть Воскресения. Что бы мы показали другу, решившему впервые поехать с нами? Какого опыта мы для него желаем? Так прогулки, свидетельства, презентации, диалоги, месса, утренняя молитва «Ангел Господень» становятся для другого человека возможностью понять, что такое каникулы, увидеть в них парадигму жизни, взглянуть на них как на способ пребывания в реальности с тем сознанием, с тем восприятием реальности, что рождаются от веры.

Veni Sancte Spiritus